

Глава 29: Дом построен – разве до свадьбы далеко?

Трое уселись за стол, и, как только разговор завязался, естественно, не обошлось без расспросов о том, как прошли последние два года жизни Е Цин.

К этому она подготовилась ещё до входа в деревню и теперь отвечала без запинки. Сказала, что уехала на границу Великой Нефритовой Династии, примкнула к купцу и моталась с ним по юге и северу, занимаясь торговлей, и всё в таком духе. А потом добавила пару историй о городах, через которые проезжала на обратном пути, — и этого хватило, чтобы семья Чэнь Саня слушала её, раскрыв рты.

В Чэньцзяцуне Чэнь Даху был, пожалуй, единственным, кто осмелился покинуть деревню и отправиться в мир. Большинство рождались здесь, умирали здесь и за всю жизнь дальше соседнего городка в нескольких ли не выбирались!

Люди без особого кругозора легко поддавались на её рассказы. Даже если в них и были какие-то нестыковки, заметить их было некому, а проверить — тем более.

Они беседовали, попивая вино и закусывая.

Вино, налитое в чашки, оказалось мутной жёлтой жидкостью.

Е Цин подумала, что это жёлтое вино, но, отпив глоток, ощутила резкую кислотину — чуть не выплюнула, но всё же проглотила, едва не поперхнувшись!

А еда тоже не поражала изысками: три глиняных миски — в одной листья, в другой стебли, а в третьей куски мяса.

Два овощных блюда и одно мясное — неплохо, конечно, но беда в том, что в этом мире никто не умел жарить еду. Всё, что готовили, только тушили!

По дороге сюда Е Цин придумала десятки идей, как заработать. Первая — изобрести сковороду и открыть таверну с жареными блюдами. Это точно покорило бы всю Великую Династию! А там — десяток-другой заведений по всей стране, и можно сидеть дома, подсчитывая доходы!

Знания давали ей огромное преимущество. В её глазах эта Великая Нефритовая Династия была просто усыпана золотом!

Но спешить не стоит. Сначала нужно обустроить своё жильё, осесть, а потом уже шаг за шагом воплощать планы.

Вино было невкусным, еда — тоже не лучше. Овощи разварились в кашу, мясо хоть и мягкое, но без специй, только с солью, — никакого удовольствия.

Е Цин решила не налегать на угощение, лишь сделала вид, что ест, а затем завела с Чэнь Санем разговор о строительстве нового дома.

Как она и ожидала, односельчане могли помочь с постройкой — денег не попросят, лишь накорми их.

Изначально она хотела снести старый дом и возвести новый на том же месте, но Чэнь Сань сказал, что старый дом лучше не трогать. Это наследство предков, и сносить его нельзя, пока он сам не рухнет, иначе уйдут и богатство, и жизненная сила!

Когда Е Цин впервые предложила Чэнь Дашаню снести дом и построить новый, тот, видимо, не сразу осознал, о чём речь, и согласился. Но теперь, после слов Чэнь Саня, он спохватился и стал наставлять Е Цин, что старый дом ни в коем случае нельзя разрушать.

Е Цин только вздохнула от досады. Пришлось менять планы. Она вспомнила пустырь у деревенского входа, у подножия горы — место выглядело подходящим. Если купить его, расчистить, можно сразу строить!

Таким образом, старый дом сносить не будут — Чэнь Дашань и Е Цин смогут жить в нём, а когда новый будет готов, просто переедут туда!

План Е Цин получил полное одобрение Чэнь Дашаня и Чэнь Саня, и, как говорится, сказано — сделано. Чэнь Сань оказался человеком дела: тут же вышел из дома, чтобы позвать старейшину клана и деревенского старосту и обсудить замер земли.

На самом деле в Чэньцзяцуне старейшина клана и староста были одним лицом, так что достаточно было найти одного человека.

Вскоре старейшина клана и староста Чэньцзяцуня явился вместе с Чэнь Санем. На столе прибавилась ещё одна пара палочек, миска и чашка для вина.

Этого старейшину и старосту звали Чэнь Кан — старик за пятьдесят. Усевшись, он немного поболтал о том, о сём, а затем перешёл прямо к делу.

Если бы речь шла о покупке пахотной земли, пришлось бы ехать в городок, подавать прошение и ждать чиновников из управы для надзора. Но купить пустошь у горы — дело простое и быстрое, достаточно согласия старейшины и старосты деревни.

Узнав, что Е Цин хочет приобрести участок под дом, Чэнь Кан тут же дал добро: любую пустошь или горный склон в пределах Чэньцзяцуня она может выбрать на своё усмотрение!

К тому же Чэнь Кан тоже был человеком действия. Поев и выпив, он сразу отправился за старейшиной клана в качестве свидетеля, взял чистый лист для земельного договора и повёл Чэнь Саня, Чэнь Дашаня и Е Цин прямо на замер земли. Он так торопился, будто боялся, что Е Цин передумает и откажется от покупки.

Е Цин не собиралась уходить далеко от старого дома. Её выбор пал на участок у входа в деревню — тот самый, о котором они говорили за едой: пустырь, заросший сорняками и колючками, примыкающий к склону горы.

Такая земля не годилась для земледелия — просто пустовала, не представляя никакой ценности.

Добравшись до места, Е Цин небрежно обвела рукой примерную площадь, собираясь ещё уточнить, но Чэнь Кан уже с Чэнь Санем и старейшиной принялись за замеры. Она не успела и слова сказать о пересмотре, как они насчитали больше шестисот квадратных метров — почти целую му земли.

(Му - традиционная китайская мера площади (около 666 м²).)

Чэнь Кан молниеносно вписал площадь в договор, подсчитал цену и подошёл к Е Цин за деньгами. Его движения были такими стремительными, что у неё глаза разбегались, а в душе она только вздохнула от изумления.

– Всего три ляна серебра!

Глядя на протянутую руку, Е Цин удивилась, как дёшево стоит такой большой участок, и, вытащив из кармана три ляна серебра, передала их Чэнь Кану.

Чэнь Кан повертел серебро в руках, удовлетворённо кивнул, спрятал его и вручил Е Цин договор:

– Даху! Теперь эта земля твоя! Хочешь строить здесь дом — все свои, деревенские, помогут. Денег за работу не возьмём, только корми нас — и хватит!

– Отлично! – Е Цин ждала именно этих слов и сказала: – Я хочу построить дом из голубого кирпича, так что рассчитываю на помощь всех дядюшек и старших братьев!

Пока Чэнь Кан и остальные мерили землю, вокруг уже собрались любопытные жители деревни, глазевшие на происходящее. Слухи разлетелись быстро: оказалось, что Чэнь Даху затеял строительство нового дома. Все обсуждали это наперебой. Сначала думали, что речь о простой глинобитной хибаре, но когда Е Цин объявила, что это будет дом из голубого кирпича, толпа ахнула от изумления.

– Чэнь Дашань теперь заживёт припеваючи!

– Голубой кирпич! Такое только у богача Цяня из соседней деревни есть!

– Даху сходил в мир и разбогател, вот это да!

Люди вокруг гудели, но Е Цин не обращала внимания. Она перемолвилась парой слов с отцом, Чэнь Дашанем, затем подозвала третью тётку и дала ей несколько указаний. Чтобы люди работали, мало просто командовать — нужно показать что-то настоящее.

Всё-таки она человек из современности, не мелочная. Решила перед началом стройки угостить всю деревню обедом — и дух поднять, и мотивировать всех работать усерднее!

Сначала она хотела устроить это уже сегодня вечером, но выяснилось, что купить свинью сейчас не успеть: нужно заказать сегодня, а привезут только завтра.

Е Цин собиралась дать распоряжения, но Чэнь Сань хлопнул себя по груди и сказал, что всё берёт на себя. Ей это было только на руку — меньше хлопот. Она поручила ему организовать угощение для всей деревни и протянула золотой листок в качестве денег.

В маленькой деревушке простые люди не то что золота — крупных серебряных слитков в глаза не видели. Увидев этот золотой листок длиной с палец, Чэнь Сань вытаращил глаза, а когда потянулся за ним, руки у него задрожали.

За несколько месяцев в этом древнем мире Е Цин успела разобраться в местной валюте. Она была похожа на ту, что существовала в древности её собственного мира: основная единица — цянь, медные монеты. Тысяча цяней — это один лян серебра, десять лянов серебра — один лян золота.

Золото, как самая крупная валюта, редко встречалось в повседневной торговле. Обычно его хранили в казне или носили с собой богатые купцы.

Золото, как и серебро, отливали в квадратные слитки, но в знатных семьях его иногда превращали в золотые бобы или листки — так удобнее носить.

Один золотой листок — это один лян золота, то есть десять лянов серебра или десять тысяч медных цяней.

Для обычной семьи трёх лянов серебра хватало на год жизни.

Но эти три ляна — сумма за целый год, а не то, что можно увидеть сразу. Так что даже один лян серебра для простых людей — целое состояние.

А тут перед Чэнь Санем лежал золотой листок — десять лянов серебра! Неудивительно, что руки у него дрожали от волнения.

Но, протянув руку наполовину, он вдруг отдёргнул её и сказал:

– Д-Даху! Убери этот золотой листок! Слишком много! Нам столько не надо! Дай, дай мне три ляна серебра — и хватит!

Раньше Е Цин об этом не задумывалась, но теперь, услышав слова Чэнь Саня, поняла, что и правда что-то не так.

Она прожила в этом мире уже несколько месяцев и знала ценность местной валюты, но современное мышление всё равно заставляло её думать, что один-два ляна — это не так уж много.

Конечно, если бы речь шла о тысяче или двух тысячах, она бы сразу почувствовала, что денег жалко, — всё из-за того, что она ещё не привыкла к древним денежным единицам. Они звучали и ощущались как-то несерьёзно.

– Ладно! – осознав это, Е Цин убрала золотой листок и достала три ляна мелкого серебра для Чэнь Саня.

Для Чэнь Саня эти три ляна всё равно были целым состоянием. Он снова хлопнул себя по груди, уверяя, что всё устроит наилучшим образом!

А третья тётка, стоявшая рядом, просто сияла от радости — непонятно, чему именно. Увидев, как Е Цин достала золотой листок, она тут же утащила остолбеневшую Цинъя во внутреннюю комнату — неизвестно зачем.

И вот так дело со строительством дома было решено.

На следующее утро с улицы показались четверо крепких парней, тащивших в деревню двух огромных жирных свиней. Тут же дети побежали разносить новость, молодёжь загудела от восторга, вся деревня взбудоражилась. Люди повыскакивали на дорогу поглазеть.

Чэнь Сань, ведший помощников мясника в деревню, прямо-таки лучился гордостью. Пусть одежда на нём была потрёпанной, но осанка! Наверное, он никогда в жизни не чувствовал себя таким важным — даже в день свадьбы не было такого!

Двух жирных свиней уложили на большой плоский камень под деревом в центре деревни. Помощники мясника тут же взялись за ножи и начали делить мясо для жителей.

Мясник был мастером своего дела: без весов, одним движением ножа отрезал ровно два цзиня. Жирное мясо пользовалось особым спросом, но ради справедливости делили пополам — половина жирного, половина постного, выбирать не приходилось!

(Два цзиня - мера веса, около 1 кг.)

Впрочем, это было дармовое угощение, так что в Чэньцзяцуне все только радовались — недовольных не нашлось.

Чэньцзяцунь — маленькая деревушка, едва ли сотня дворов, можно сказать, крохотная.

Мясо раздавали по два цзиня на семью, и в итоге от двух свиней остались только кости да копыта.

Но и это не пропало даром. В полдень в деревне поставили несколько больших котлов, бросили туда кости и сварили три полных котла ароматного костного бульона. Кто хотел — брал дома миску и шёл за своей порцией.

В итоге жители Чэньцзяцуня наелись до отвала, животы у всех округлились, но каждый нахваливал семью Чэнь Даху. Все твердили, что Чэнь Даху не забыл своих, и добрые слова о нём лились рекой.

Молодые крепкие парни хлопали себя по груди, уверяя, что дом построят быстро и на совесть, чтобы семья Чэнь Даху въехала в новое жильё в кратчайшие сроки!

Однако в древности строительство дома, хоть и начиналось с простой покупки земли, дальше обрастало кучей хлопот.

Нужно было позвать мастера Фэн-шуй, чтобы осмотрел участок и выбрал счастливый день, изгнать злых духов земли, расставить что-то по сторонам света и пяти стихиям — короче, в глазах Е Цин это всё было сплошным суеверием. Но раз уж она в древности, пришлось следовать местным обычаям и пустить всё на самотёк.

К счастью, Чэнь Сань взялся за это с большим энтузиазмом. Е Цин оставалось только платить, а остальное он брал на себя.

Так всё и шло гладко и без заминок.

В назначенный счастливый день несколько парней срубили молодой бамбук, принесли его и бросили в костёр. Когда огонь доходил до узлов, раздавался глухой хлопок — не слишком громкий, но каждый раз толпа вокруг радостно гудела.

(Бамбук в костре - традиция для изгнания духов)

Е Цин стояла среди людей, глядя, как бамбук взрывается, и вдруг подумала: а что, если в этом мире нет пороха?

От этой мысли она тут же размечталась: изобрести порох — и разбогатеть! Но сначала надо уточнить. Оглядевшись, она заметила Чэнь Саня неподалёку, подошла и спросила:

– Третий дядя, в городке порох не продают?

– Порох? – Чэнь Сань посмотрел на неё с недоумением. – Это что за штука такая?

– Ну, такое, что поджигашь, а оно — бац! — и громко хлопает! – пояснила Е Цин.

– А-а, ты про банцзы, что ли? – до него дошло, и он кивнул.

– Банцзы? – теперь уже Е Цин растерялась.

– Ну да, как ты сказала: чиркнешь — и бац! — громко так! – объяснил Чэнь Сань.

– ...Да, я про это! – Е Цин поняла, что «банцзы» — местное название. – А в городке продаётся?

– Продаётся! – ответил Чэнь Сань. – И не только банцзы, но и всякие красивые цветы есть! Их в небо запускают, а они там — раз! — и рассыпаются! На праздники в городке богатые семьи такое устраивают — загляденье! Что, купить хочешь? Дорогое удовольствие!

Ну, дела! Выходит, в этом мире порох уже есть? И даже фейерверки! Значит, его давно изобрели!

– Не надо! Просто спросил!

Е Цин, слегка приуныв, ответила и вернулась на своё место.

А когда она отошла, Чэнь Сань вдруг принюхался и пробормотал себе под нос:

– Странно, откуда тут такой приятный запах?

Он собрался было поискать источник, но тут бамбуковый узел в костре лопнул, толпа загудела, и эта мысль вылетела у него из головы.

<http://bllate.org/book/16041/1431370>